
Герман Гессе
ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

Перевод с немецкого О.А. Комкова

Я — ТА ЗВЕЗДА

Я — та звезда, что в вышине
Осколком рая, мир презирая,
Сгорает в собственном огне.

Я — море ночью штормовой,
Глубин стенанье, в глухом страдании
Вершу обряд греховный свой.

Я не ишу мирских мытарств,
Изгнанник гордый, в мученьях твёрдый,
Я — царь, навек лишённый царств.

Я — безмолвевшая страсть,
Мой меч отринут, приют покинут,
Безмерна боль — всеильна власть.

<1896>

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Старинный замок. Хрупкие пилястры.
В тиши грустят сиреневые астры.
Лишь мотылёк тревожит спящих пчёл
Болезненным метаньем,
И шепчет увяданье,
Что слишком поздно я пришёл.

А на балконе, в шёлковых одеждах,
Тоскует о несбывшихся надеждах
Княгиня, гордо глядя в сонный дол, —
Печаль ей сердце гложет:

Она простить не может,
Что слишком поздно я пришёл.

<1897>

ШОПЕН

I

Рассыпай же лепестки
Белоснежных, словно грёзы,
Лилий — тихих колыбельных,
Вальсов рдеющие розы.

Вновь почуять мне позволю
Страсти пряное дыханье
И гвоздик воспламенённых
Горделивое страданье.

II

*Grande Valse*¹

Свечами блещет зал,
Звон шпор, сверканье эполет,
В горячих венах бродит кровь.
Подай, красавица, бокал!
Танцуем вальс! Мерцает свет;
Игриво вздёрнутая бровь
Сулит улады, взор палит огнём...

Тихо ржёт мой конь за окном.

Там, за окном, объаты мглой,
Лежат поля. В ночи плывёт
Далёкий грохот канонад.
Вот-вот рассвет — и снова в бой!
Танцуй! часы бегут вперёд,
Тревожно камыши во тьме шумят,
Дремучий сон меня зовёт —
Быть может, смертный сон... Преми, рояль!
Пусть, как вино, зальют мою печаль

¹ Большой вальс (фр.).

Краса и юность, жизни страстный пыл —
Я кубок сей испить хочу до дна.
Как скоро кончен тур! уже остыл
Сердечный жар; опять плетёт луна
Свой призрачный венок, пророча смерть.
...Греми, рояль! Пусть вальса круговерть,
Лязг ножен заглушив, наполнит дом...

Тихо ржёт мой конь за окном.

III

*Berceuse*²

Спой колыбельную ты мне!
Хоть скрылась юность в давнем сне,
Душа опять внимать готова
Волшебный, сладостный напев —
Лишь ты, в ночи меня согрев,
Утешить сердце можешь снова.
Коснись рукой моих волос:
Мы унесёмся в царство грёз,
В блаженную страну забвенья.
Звездой, блеснувшей в вышине,
Твой нежный голос в тишине
Рассеет мглу ночного бденья.
А в изголовье положи
Букет из роз! Ещё свежи,
Они полны печальной жажды.
Усталый, сбившийся с пути,
Я так же слаб — и не найти
Мне дом, покинутый однажды.

<Сентябрь 1897>

ТАМ

Там, средь гор высоких,
Тихо бледный свет струя,
Реет в вечной лунной мгле
Юность мёртвая моя.

² Колыбельная (фр.).

Там, средь гор высоких,
Сторожа царицын прах,
Дух любви моей умершей
Бродит горестно впотьмах.

Там, средь гор высоких,
Где стоит холодный храм,
В плаче бесприютный ветер
Мёртвым молится богам.

<1897>

МЕЛОДИЯ

Во мгле морской, средь грозных волн,
Что бьются о крутые скалы,
Гоняет буря странный чёлн,
Чей выпел пёстр и флаги алы.

Плывёт в нём княжеская дочь
И в даль, где правят ветр и ночь,
Глядит, заламывая руки.
Алеет флагов гордый рой,
Но кончен путь и вечен плен разлуки,
И мёртв жених молодой.

Мне часто грезится во сне
Тот чёлн; в туманной пелене
Он реет, праздный и печальный.
Алеет флагов гордый рой;
Смеясь, у мачты кормовой
Скрипачка-смерть играет гимн венчальный.

<1898>

ПРИЗНАНИЕ

Кто в мире мне друзья? —
Птиц перелётных длинная чреда,
Шальные шхуны, дикие стада,
Скиталец-ветер, ночи забытья.

Бреду, оставив за спиной
Руины храмов, запустенье
Садов любви в июльский зной,
И вялых уст прикосновенье,
И моря сумрачную гладь.

На всём — безмолвия печать;
Мерцают, мглой окружены,
Венцы владык, величье славы,
Плюсом украшенные главы —

Из песен сотканные сны,
Что брезжат мне в ночи дождливой,
Когда, рукою торопливой
Схватив перо, я жизнь влагаю в стих.

Бесцельно странствуя по свету,
Я не призвал врагов к ответу
И трепет счастья сердцем не постиг.

<Осень 1898>

ПРИНЦ

Мы мечтали вдвоём с тобою
Построить прекрасный дом —
Высоко над пёстрой землёю,
На лесном холме, над рекою,
Где бескрайний чист окоём.

Мы вдвоём с тобою мечтали
Забить о юдоли слёз,
Озарить ликованием дали —
И друг другу нежно сплетали
Венки из песен и грёз.

Ныне замок мой гордо реет,
Вознёсшись в тихую высь;
Там печаль одиноко зреет
И безрадостный день сереет, —
Принцесса, где ты? вернись!

Ныне шлю я тебе с ветрами
Пламенеющих песен рой —
Пусть найдут тебя за горами,
Пусть примчатся к тебе гонцами
Души, что больна тоской.

Пусть откроют тебе томленье,
Нескончаемый плен мечты,
Пусть целуют тебя до жженья,
Пусть развеют твой сон забвенья, —
Принцесса, вернётся ль ты?

<ок. 1898>

НОКТЮРН

Шопеновский ноктюрн Es-dur'ный.
В окно сиял полночный свет
И, твой окутав силуэт,
Являл над ликом нимб ажурный.

Не помню ночи я прелестней:
Луны серебряный разлив
Внушал мне сладостный мотив
Неизъяснимой песни песней.

Молчали мы; немим свеченьем
Струилась даль. И были в ней
Лишь пара белых лебедей
Да звёзд неслышное скольжение.

И сквозь проём окна фигурный
Прозрачно-хрупкий профиль твой
Луна серебряной каймой
Одела с грацией скульптурной.

<1899>

СКРИПАЧ

I

Страдивари

О совершенный, дивный звук!
Дерзал когда-то лишь мечтать я,
Что ты придешь, как нежный друг,
В мои несмелые объятья!

О чудный миг — к тебе прильнуть,
В певучих токах раствориться,
Прижав трепещущую грудь
К твоей, скрипичная царица!

И млею, словно в сладком сне,
И струн блаженное стенанье
Волнует глубже сердце мне,
Чем женщин страстные признанья.

II

Con sordino

Поют тихонько струны
Мотив, что сердцу мил,
Тот самый, светлый, юный,
Что давней майскою порой
Тебе я сочинил.

Вожу смычком несмело
И грежу прежним сном
О том, как скрипка пела
Далёкой ночью, что провёл
Я под твоим окном.

И на душе сгустилась
Печаль минувших лет —
Бог знает, как случилось,
Что от любви остался мне
Лишь муки горький след.

III

Моей скрипке

Касаньем бережным руки
Ласкаю тёмный стан древесный,
Подставку, шейку, гриф, колки —
Найду ль в тебе секрет чудесный?

Как часто в отблесках твоих
Мне звук мерещится прекрасный,
Что в деках глянцевых затих,
Доныне пальцам неподвластный!

Как часто, смутных тайн полна,
В моих руках ты жарко млеешь
И, странной неге предана,
Любовный трепет мой лелеешь!

Приди же! Стань в который раз
Мне утешеньем, как бывало,
Когда мечтой в полночный час
Мой юный пыл ты овевала!

В далёкий, многотрудный путь
Меня влекло моё призванье...
О, если б мог игре вернуть
Я чистой юности звучанье!

IV

Мне внятен каждый звук...

Мне внятен каждый звук вокруг:
Упорно жаждет чуткий слух
Открыть, настигнуть, разомкнуть
Его трепещущую суть.

В нём пальцы ищут глубину,
Впиваясь до крови в струну,
Чтоб, сумерек поймав дыханье,
Извлечь нежнейшее звучанье.

И нет на сердце у меня
Ни грустных дум, ни томных грёз —
Их красоту при свете дня
Игре своей я в дар принёс.

И дружбы радостный удел,
И поцелуя сладкий миг
В служеньи страстном я постиг
И в песне струн запечатлел.

Скользит смычок. В ночи стою
И отдаю, созвучьям вслед,
Я миру жизнь и кровь свою...
Лишь мне в игре отрады нет.

V

К искусству

Тебя, искусство, вновь зову
Я с верой, как в былые дни:
Войди в склонённую главу,
Мои седины осени.

Сбрось маску: здесь я, пред тобой,
Скрипач, которому знаком
Твоих гармоний тайный строй,
Горю неистовым огнём.

Дай песнь мне дикую, как крик,
Чтоб смех и горечь в ней слились, —
Ты — снов таинственный родник
В душе, что страстно рвётся ввысь.

VI

Умолкаю...

Умолкаю. В сердце усталость.
Я высказал всё сполна.
Последним тактом звенит струна —
Мне лишь скрипку разбить осталось.

И скитальцем, что всех безвестней,
В краю, где был я рождён,
Искать забытый в юности сон —
Мой сон о песни песней.

Нет на свете мечты чудесней:
Вдали от жизни земной
Покоем дышит и глубиной
Мой сон о песни песней.

<1899>

АВГУСТ

Прекраснейший из летних дней
Прощальным эхом полнит даль,
И в птичьем щебете слышней
Струится сладкая печаль.

И в кубок вечера златой
Льёт лето красок волшебство,
Готова щедрою рукой
Последней ночи торжество.

<Август 1899>

[НОВАЛИС]

Твой стих овсян дуновеньем
Далёких, сладостных времён,
Что за игрою вдохновенья
В душе истаяли, как сон!
Ты, словно осенью ненастной
От нежных майских роз привет,
Напомнишь мне легко и властно,
Как юности померкнул свет.

<1899>

КАК СТАЛОСЬ?

Я не стяжал себе венца,
Не одолел теченья лет, —
Как стало, что затмила свет
Мне ночь, которой нет конца?

Незрелых песен горсть в руке:
Весь труд мой, всё моё добро, —
И в каждой трепетной строке
Горит кровавое тавро.

Я не стяжал себе венца,
Не одолел теченья лет, —
Как стало, что затмила свет
Мне ночь, которой нет конца?

<1899>

ОБЛАЧКО

Лёгкое и нежное,
Мягко-белоснежное,
В небе облачко плывёт.
Опусти глаза, душою
Ощути: оно с собою
В синий сон тебя зовёт.

<Январь 1900>

ОН ШЁЛ ВО ТЬМЕ

Он шёл во тьме, где чёрною громадой
Воздвигся лес, где сны полны прохладой.

И, лишь огнём желанья согрета,
Душа взывала страстно: света! света!

Не видел он, как серебром блистали
Скопления звёзд в небесной чистой дали.

<Август 1901>

MON RÊVE FAMILIER³
(ИЗ ПОЛЯ ВЕРАЕНА)

Всё тот же сон: едва глаза закрою,
Я незнакомку вижу пред собою.

Мы влюблены; задумчиво-нежна,
Моих волос касается она.

Ей ведомы души моей теснины
И сердца потаённые глубины.

Ты спросишь: белолика иль смугла?
Волшебный льётся свет с её чела.

Как имя ей? Не знаю. Но звенит
Оно, как сладкий зов, что вдаль манит, —

Как имя той, чей облик неземной
Тебя томит несбывшейся мечтой.

И чудится в ночном её шептании
Умерших милых близкое дыханье.

<Ноябрь 1901>

БЕЗ ЛЮБВИ

Как лепестки увядших летних роз
В глубокий омут падают несмело,
Так дни и ночи кружат опустело —
Ни песни, ни тоски, ни мук, ни слёз.

Невнятен мне часов унылый ход,
Я вижу лишь, как призрачно мерцает
Звезда любви и тихо угасает
Моей судьбы поблекший небосвод.

<1901>

³ Мой знакомый сон (фр.).

НОЧЬ

Темнеет. С пением дроздиным
К нам из долин приходит ночь.
Стрижи уснули — день был длинным,
Резвиться им уже невмочь.

В окно, помедлив, уплывает
Моей усталой скрипки трель.
Поймёшь ли песнь, что воссылает
Тебе, о ночь, твой менестрель?

Из леса веет дух прохладный,
Испуг сердечный гонит прочь,
И тихо в мир влекут отрадный
Меня дремота, сон — и ночь.

<1901>

КАК ТА ВОЛНА

Как та волна, что пенною красой
Блестит, тоски неистойвой полна,
И томно гаснет в бездне голубой;

Как облако, что, в дальний путь маня,
Мечты скитальца будит ото сна
И бледной дымкой тает в свете дня;

И как напев, что вдруг пленяет слух
Диковинных созвучий волшебством
И к небесам влечёт усталый дух, —

Так жизнь моя сквозь время бег струит,
Чтоб, отшумев, истечь за окоём,
В желанный край, что вечность мне сулит.

<Май 1901>

ПОДОБИЯ

Что любовь моя? — немой челнок
В сонном плеске вёсел над водою,
Вдаль скользящий, к тусклому прибою.

Что любовь моя? — слепящий луч
В тяжелой тьме ночей, меж чёрных туч,
Словно быстрой молнии клинок.

Что любовь моя? — дитя в бреду,
Мечется, предчувствуя беду:
Смерть уже ступила на порог.

<1901>

СТРАННИК

И дни в пустом просторе
Бегут, старея вмиг;
И, может быть, один из них
Последним станет вскоре.

Из края в край шагали
Со мной — рука в руке —
Они в неистовой тоске
По милой сердцу дали.

<1901>

МОЛИТВА МОРЯКА

Адриатическое море

Часы текут. Полночный мрак!
Ни звёзд, ни месяца вдали.
О Матерь Божья, добрый знак
Нам в утешенье ниспошли!

Часы текут. Средь бурных волн
Таятся рифы впереди.
Сквозь ночь и шторм наш утлый чёлн
Домой, о Дева, приведи!

Часы текут, за мигом миг.
К нам, Дева, милостива будь,
Да узрим Твой Пречистый Лик,
Когда земной окончим путь!

<1901>

БЛИЗ СПЕЦИИ⁴

Тягучий гул морских валов,
В порывах ветра — смех и вой,
Метанье мрачных облаков
Под кровом ночи штормовой.

И мнится мне: всему чужда,
Мертва, беззвёздна и тускла,
Во тьму и бурю без следа,
Как волны, жизнь моя ушла.

Но самой чёрной ночи кров
И самый тяжкий путь во мгле
Таят в себе рассветный зов,
Что внятен страждущей земле.

<1901>

СТРАННИК

Гром грохочет вдалеке,
Стаи туч под небосклоном,
Душный ветер взвыл в тоске,
Рощи вторят слабым стоном.

Одинок, в чужом краю
Странник путь вершит неспоро:
Он в мирском снискал бою
Язвы ран и боль позора.

Скрипом сучьев полон лес,
В сумерках желтеет ранних;
Пыль затмила свод небес...
Это я — усталый странник.

<1901>

КАК МНОГО В МИРЕ КРАСОТЫ

Как много в мире красоты!
Мы всюду ей окружены;

⁴ Специя — город на побережье Лигурийского моря, на востоке итальянской Ривьеры.

В ней — тайна вечной простоты,
В ней — чудо вечной новизны:
Излом альпийского хребта,
У моря тихая мечта,
Журчанье горного ручья,
Ночные трели соловья,
Малыш, смеющийся во сне,
Звезды сиянье в вышине,
Горящий в озере закат
Под сенью вечно-снежных гряд,
Девичьей песни чистый тон,
Проходим вежливый поклон,
Воспоминаний детских даль
И сердца нежная печаль,
Что не дает в ночи уснуть
И сладкой болью полнит грудь,
Стремясь истечь за облака,
Где реет звёздная тоска.

<1902>

ЗИМА В ГОРАХ

I

Восхождение

И лишь снега да льды кругом,
И склоны гор — стена к стене,
А позади за окоём
Простёрлись дали в снежном сне.

И по заснеженной скале
Не торопясь, за шагом шаг,
Я к леднику бреду во мгле,
С короткой трубкою в зубах.

Быть может, на краю миров,
Средь лунно-льдистой синевы,
Забвенья сладостный покров
Коснётся страждущей главы.

II

Дух гор

Суровый дух бестрепетно простёр
Белеющую длань над высю гор.

Слепит глаза его холодный лик,
Но мне не страшно: я к нему привык.

Во тьме ущелий я ему внимал,
Касался риз его на гребнях скал.

Тревожил я его недвижный сон,
Игрой со смертью дерзостно пленён.

И в час, когда моя пылала грудь,
Он молча выходил на снежный путь

И охлаждал заботливой рукой
Мой жаркий лоб, даруя мне покой.

III

*Гриндельвальд*⁵

Мне сладок мир ночной, пленителен и прост,
Но прежде я не знал таких, как ныне, звёзд.

Скалистый облик склонов строг и сед,
От шапки к шапке льётся тихий свет.

Несчётные рассыпав чудеса,
В сияньи близком дремлют небеса.

И, щедро озаряя небосвод,
Кружит картин блаженный хоровод.

Покою дышит их немой венок,
Вливая в душу льдистый холодок.

И целой жизни дольняя пора
Теперь — полузабытое вчера.

⁵ Гриндельвальд — регион в Бернской Швейцарии, знаменитый своими ледниками.

IV

Санный путь

Колючей вьюги резкий вздох
Да скрип саней вослед шагам;
Вдали воздел свой бледный рог
Туманный Айгер⁶ к облакам.

Освобождён от смертных уз,
Вдыхаю холод новых грёз,
Как если б драгоценный груз
В счастливом сердце гордо нёс.

Остатки боли вырву прочь
Рукою крепкой из груди,
И зашвырну со смехом в ночь,
Где снег и бездны позади.

<Февраль 1902>

ВЕНЕЦИЯ

Чуть слышно сыплет лёгкая капель,
Случайный всплеск, прерывистая трель —
И вновь молчит канал: ни голосов,
Ни звуков лютни, ни ночных шагов,
Ни шелеста гондол, ни пенья птиц!
На холодном ложе распростёршись ниц,
Я словно в дивной, сказочной дали,
На острове, отрезан от земли,
Что человеческим склокам отдана.
И всюду мрак! Ни звёзды, ни луна
Не высветлят изломов чёрных крыш
В бессонном мире, погружённом в тишь.
Но где же я? Лежу ль в лесу глухом,
Где молкнет павший лист, объятый мхом?
Иль в замке околдованном застыл,
Где молодых забав иссякнул пыл
И в древних залах реют меж колонн

⁶ Айгер — третья по высоте горная вершина Гриндельвальда.

Бесстрастно тьма — преданье — вечный сон?
Иль, вживе погребён в сырую твердь,
Пью одиночество — забвенье — смерть?
Как, близкий мир отринув невзначай,
Спустился я в безмолвный этот край,
Где протянулся в пустоте ночной
Таинственный и тягостный покой?
Не знаю. Только жду, что в тишине
Вдруг отворится узенькая дверь
И дева робко-страстная ко мне
Войдёт из мглы — дождя и ночи дщерь —
И поцелует ... Вот из темноты
Донёсся скрип. Принцесса, это ты?

<Март 1902>

ОБЛАКА

Как ладьи, плывут неспешно
Надо мной, меняя цвет,
В небесах развеяв нежно
Пёстрой дымки чудный след.

Из бездонной синей глади
Истекает дивный мир:
Зрю в таинственной отраде
Чистых красок пышный пир.

Лучезарные явления
В ускользающей дали,
Может, вы — лишь сновиденья
Тьмой окутанной земли?

<Август 1904>

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Счастливей час: под вечер выйти в сад,
Сесть на скамью и вслушаться в просторы,
Где гаснет над вершинами закат
И дальних ручейков струятся хоры.

Мечтою робкой пред усталой волей
Безмолвная проходит череда
Давно угасших снов, желаний, болей,
Надежд и грёз... Счастливые года!

<Апрель 1905>

ГОРЫ В НОЧИ

Погасло озеро,
Спит камыш почерневший,
Во сне о чем-то шепча;
Чудовищно вдвинувшись в землю,
Грозно простёрлись горы —
Они не дремлют.
Тяжко дышат они, прижавшись
Плотно друг к другу телами.
Дышат тяжело,
Обременённые сумрачной мощью,
Неизбывной снедающей страстью.

<Июнь 1905>

В ТУМАНЕ

Странно брести в тумане!
Слепо кусты глядят,
Деревья в зыбком дурмане
Поодиночке стоят.

Был я весел и молод,
Дружбы огонь пылал;
Ныне — лишь мрак и холод:
Землю туман объял.

Мудрости тот не знает,
Кто темноты не постиг, —
От мира нас отделяет
Её невидимый лик.

Странно брести в тумане!
У каждого свой маршрут.
Люди в слепом дурмане
Поодиночке живут.

<Ноябрь 1905>

НАВСТРЕЧУ ЦЕЛИ

Я по свету странствовал беспечно,
Думал, что дорога бесконечна,
И не знал ни отдыха, ни скуки.

Но однажды ощутил устало,
Что блуждал по кругу — и предстала
Жизнь моя путём во мгле и муке.

К цели я брести отныне буду
Не спеша: куда б ни шёл, повсюду
Смерть ко мне протягивает руки.

<Октябрь 1906>

ВЕЧЕРНИЕ ОБЛАКА

Поэта мысли и слова,
Цветистых строчек кружева
Занятьем кажутся пустым, —
Лишь Бог охотно внемлет им.

Он, разделивший тьму и свет,
По временам и сам — поэт:
Когда зовёт вечерний звон,
Впадает Он как будто в сон
И, праздною пленён игрой,
Творит прелестных тучек рой,
Окутав горы дымкой злата
И рдяной пеною заката.
И долго лучшим облакам
Он стелет путь по небесам,
Где, словно сказочная вязь,
Они блаженствуют смеясь.
И то, что мнилось баловством,
Как чудодейственный магнит,
Неизъяснимым волшебством
Людские души ввысь манит.
Но гаснет сон, уносит прочь
Видений лёгкую вуаль —

И остывающую даль
Согласьем наполняет ночь.
В ней чистых образов родник,
Творцом сокрытый до поры,
Исток божественной игры,
Что смертный разум не постиг.

Пусть же песнь твоя земная
Плывёт, как звон, бесследно тая, —
Летят, сияя свысока,
Из Божьей длани облака.

<1907>

НОЧЬ

Я погасил оплывшую свечу;
Струится ночь в открытое окно,
Меня обнимет — я ей друг и брат,
Мы с нею заодно.

Одной томимся с нею мы тоской;
Пророческие сны мы миру шлём
И шепчемся о древних временах
В Отечестве родном.

<1907>

НОЧЬ

Ночь так близка и внятна мне!
Я мысли от неё не скрою,
Мы рождены в одной стране,
Мы вместе, словно брат с сестрою.

Она раскинет свой покров,
Меня окутав безмятежно,
Кивнёт, щеки коснётся нежно
И спросит: ты готов?

<Май 1907>

В ПУТИ

И там, средь гор, в заоблачной тиши,
Где даль светла, как лёгкий сон,
Отверзлось царство мёртвых предо мной:
Безвестных предков сонмище во мгле,
Мерцание несчётных духов.
И странное вошло в меня сознание,
Что в мире я не чужд, не одинок,
Что всё во мне: дыхание, чувства, взгляд,
Уста и слух, и ровный ритм шагов,
И даже воли властный глас —
Не мною и не ныне рождено.

Я лучик света, я лишь новый лист
На древе поколений, чья младая поросль
Познала глушь лесов и пыль степей,
Чьи отпрыски цвели средь шума битв,
А их потомки строили дворцы,
Из века в век блистаньем золотым
Прекрасные столицы озаряя.

От них, через года, до тихих глаз
Моей умершей матери ведёт
Прямой, единственный и непрерывный путь
К рожденью моему, и тот же путь
Простёрся от меня во мглу времён,
К тем людям, чьим дано мне предком быть,
Чья жизнь внутри моей заключена.

И там, средь гор, в заоблачной тиши,
Где даль светла, я понял: жизнь моя,
Взор глаз моих и сердца гулкий стук —
Бесценное наследство, чью красу
Мне лишь хранить завещано от века
И передать другим.
И тихо веял
Над головой холодный дух вершин.

<ок. 1907>

ОКТАБРЬ

Одело увяданье
Деревья в злато и багрец,
Им лёгкий в смерти дан конец,
Им не познать страдания.

Мне сердце, осень, остуди,
Чтоб тише биться стало —
Пускай плывёт устало
К зиме, что дремлет впереди.

<1908>

СЛОВНО СТОНУЩИЙ ВЕТЕР

Словно стонущий ветер ночной,
Рвется тоска моя вдаль,
Каждый вздох мой полон тобой —
О, если б души больной
Ты знала печаль!

Я гашу тихонько ночник,
Дрожью объят сокровенной, —
И в ночи узнаю твой лик,
И в стенаньи ветра на миг
Прозвенит твой смех незабвенный.

<Октябрь 1910>

ПЕЙЗАЖ

Роща, озеро, поля —
Детский сон в прозрачной рани:
Сладко дремлет в Божьей длани
Безмятежная земля.

Долго грезить я готов
У рассветного порога;
Стих в душе извечный зов,
Стихла давняя тревога.

Но, волшебный час хваля,
Знаю: вновь глаза открою —
И цветущая земля
Станет страннику чужою.

<1910>

ИСКУССТВО ПУТИ

Вольных странствий юношеский хмель
Канул вместе с юностью счастливой;
С той поры душою терпеливой
Я ищу повсюду смысл и цель.

Но замороженный целью взгляд
Не постигнет сладости скитаний;
Лес, ручей, денницы отблеск ранних
Алчущее сердце не релксят.

Жизнь измеряю странствий чередою,
Чтоб мгновенья непорочный свет
Не померк пред вечною звездою.

Вот искусство: слышать зов планет
И за дальней облачной грядою
Различать пути блаженный след.

<1910/11>

ПЕРЕД СНОМ

Долгий день мне стал невмочь,
Скоро из тоски сердечной
Я в мерцающую ночь,
Как дитя, скользну беспечно.

Руки, сбросьте груз забот!
Ум, оставь шальные думы!
Чувства скроются вот-вот
В дреме от мирского шума.

И душа умчится прочь,
Без присмотра, вольной птицей,
Чтоб в краю, где правит ночь,
Тайнам жизни причаститься.

<Июль 1911>

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

В ольшанике чуть слышен посвист птах,
Молчат в мерцаньи лунном лес и дол;
Лишь тени юных дней, скользя впотьмах,
Мне в песнях шлюют видений ореол.
Как я попал из края бурь и смут
Сюда, в зелёный дол, за грань миров,
Где сонмы снов бестрепетно живут
И сотней нитей сердцу ткут покров?

Шепчу замороженно имена
Далёких милых, скрывшихся во мгле,
И вновь бреду бесцельно в дымке сна,
Сквозь память, по утихнувшей земле.
Внезапно имя в сумерках блеснёт —
Твоё, родное, — и пробьётся свет,
И в сердце боль, воскреснув, полыхнёт
И, рдея, потечёт тебе вослед.

<8.6.1911>